

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-2-62-68

Дата принятия рукописи в печать: 18.03.2026 г.

МАРКОВ Роман Станиславович,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: rsm-94@yandex.ru

РЫЖКОВА Маргарита Константиновна,

преподаватель СПО кафедры государственно-правовых дисциплин,
студент магистратуры кафедры государственно-правовых дисциплин,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: ritaryshkova@gmail.com

ЗОЛОТАРЕВА Анастасия Викторовна,

студент Института истории, права и общественных наук,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: zolotarva.nastena@list.ru

МУБАРАКОВА Анастасия Александровна,

студент Института истории, права и общественных наук,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: anastasia.mubarakova@yandex.ru

РАВНЫЕ В НЕРАВЕНСТВЕ: РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАПРЕТА ДИСКРИМИНАЦИИ ПО ПРИЗНАКУ ПОЛА В ОТРАСЛЕВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется реализация конституционного запрета дискриминации по признаку пола и конституционного принципа равенства мужчин и женщин (ст. 19 Конституции РФ) через механизмы отраслевого регулирования и правоприменения. На материале семейного, трудового, служебного и уголовного права показано, что формальное равноправие мужчин и женщин нередко сочетается с асимметрией юридического статуса, воспроизводимой особыми режимами социальной защиты и публичного должностования, а также устойчивыми ролевыми стереотипами. Обосновывается необходимость оценивать допустимость отраслевых дифференциаций по критериям легитимной цели, необходимости и соразмерности, ориентировать специальные правовые режимы на фактические обстоятельства уязвимости, а не на признак пола. Подчеркивается значение правовой экспертизы и судебного контроля для предупреждения дискриминационных последствий.

Ключевые слова: конституционное равенство, дискриминация по признаку пола, гендерные стереотипы, семейное право, трудовое право, публичная служба, уголовно-правовые ограничения.

MARKOV Roman Stanislavovich,

PhD in Law, Associate Professor of Department of State and Legal Disciplines,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

RYZHKOVA Margarita Konstantinovna,

Lecturer in SVE of Department of State and Legal Disciplines,
Master's student of Department of State and Legal Disciplines,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

ZOLOTAREVA Anastasiya Viktorovna,
Student of Institute of History, Law and Social Sciences,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

MUBARAKOVA Anastasiya Aleksandrovna,
Student of Institute of History, Law and Social Sciences,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

EQUAL IN INEQUALITY: IMPLEMENTING THE CONSTITUTIONAL BAN ON SEX DISCRIMINATION IN RUSSIAN SECTORAL LEGISLATION

Annotation. *The article examines how the constitutional ban on discrimination on the grounds of sex and the constitutional principle of equality between men and women (Article 19 of the Constitution of the Russian Federation) are implemented through sectoral regulation and law-enforcement practice. Drawing on family, labour, public service, and criminal law, it shows that formal equality between men and women often coexists with an asymmetric legal status reproduced by regimes of heightened social protection and public duty, as well as by stereotyped role-based presumptions. The article substantiates the need to assess the permissibility of sectoral differentiations through the criteria of a legitimate aim, necessity, and proportionality, and to design special legal regimes around factual circumstances of vulnerability rather than the sex criterion. It also highlights the importance of legal expertise and judicial review in preventing discriminatory effects.*

Key words: constitutional equality, sex-based discrimination, gender stereotypes, family law, labour law, public service, criminal-law restrictions.

Введение

Проблематика равенства мужчин и женщин в современной России сохраняет высокую правовую и социальную значимость. Конституция Российской Федерации закрепляет запрет дискриминации по признаку пола и провозглашает равенство прав и свобод человека и гражданина (чч. 2 и 3 ст. 19), отдельно фиксируя равные права и свободы мужчин и женщин при равных возможностях для их реализации. Вместе с тем наличие такого конституционного стандарта не означает его гарантированной реализации: отраслевое регулирование и правоприменение демонстрируют устойчивые различия в юридическом статусе представителей разных полов. Они проявляются в трудовом и социально-обеспечительном регулировании, семейных правоотношениях, в сфере публичной службы, а также в уголовно-правовых и уголовно-исполнительных институтах, что позволяет говорить о системном характере проблемы.

Исследовательский интерес обусловлен сложной природой неравенства мужчин и женщин, формируемого на пересечении социально-культурных ожиданий и юридических конструкций. В российском правовом порядке заметна тенденция к нормативному закреплению различий в социальных ролях: в одних сферах преобладают модели публичного долга и повышенной ответственности (служба, оборона, санкции), в других – охрана материнства и репродуктивной функции, нередко распространяемая и на трудовую сферу. В результате достигается преимуще-

ственно формальное равноправие, тогда как равенство юридического статуса – симметрия правовых возможностей, ограничений, обязанностей и ответственности – остается неполным и неоднородным. Указанные противоречия требуют анализа не только отдельных исключений, но и механизма реализации конституционного запрета дискриминации по признаку пола в отраслевом законодательстве.

1. Пол, гендер, равенство и дискриминация: теоретико-правовые подходы

В научной литературе термин «гендер» нередко смешивается с биологическим термином «пол», хотя эти категории различны. Гендер описывает социально сформированные различия между мужчинами и женщинами, проявляющиеся в ожиданиях и нормах «мужественности» и «женственности», и не сводится к анатомическим характеристикам [1]. Для права это различие принципиально: пол выступает формально фиксируемым признаком, тогда как гендер позволяет описывать устойчивые ролевые ожидания, которые затем отражаются в нормативных конструкциях и практике их применения.

Понимание гендерного равенства в конституционно-правовом смысле предполагает, по меньшей мере, три взаимосвязанных аспекта:

- 1) формальное равенство (равные права и свободы и запрет дискриминации);
- 2) равные возможности (условия реализации прав);

3) равенство юридического статуса как симметрию правовых возможностей, ограничений, обязанностей и ответственности.

В этой логике показателен подход Ю.А. Акимовой, предлагающей рассматривать гендерное равноправие как конституционный принцип, содержание которого раскрывается через баланс равенства и социальных гарантий, не позволяющих подменять равноправие стереотипизацией [2].

Анализ правоприменительной практики подтверждает, что формального равенства недостаточно: оно может сосуществовать со структурными дисбалансами. Так, Д.И. Ташбекова и Е.А. Долгих, разрабатывая методику интегральной оценки гендерного неравенства, трактуют его как совокупность различий, ухудшающих социальное положение женщин и мужчин [3]. Однако правовая дифференциация редко распределяет издержки и преимущества симметрично; корректнее говорить о неравномерном распределении правовых возможностей и правовых обременений, которое в совокупности формирует устойчивые асимметрии.

Для разграничения равенства и равноправия важны классические конституционно-правовые трактовки. Государствовед М.В. Баглай подчеркивал, что равенство предполагает одинаковое правовое положение личности перед законом, то есть совпадение комплекса прав, свобод и обязанностей, тогда как равноправие в обыденном употреблении нередко связывается преимущественно с совпадением прав [4]. В философско-правовой интерпретации В.С. Нерсисянц понимал правовое равенство как равенство свободных и независимых субъектов права, выраженное в единых критериях юридической оценки и равенстве юридических возможностей [5].

Современные исследования показывают, что значительная часть «неравенства» воспроизводится не прямыми запретами, а логикой особого отношения, когда защитные конструкции и исключения закрепляют гендерные роли и тем самым поддерживают асимметрию возможностей. Так, О.Г. Подоплелова указывает на риск превращения защиты в юридическое закрепление стереотипов и возможный дискриминационный эффект таких конструкций при отсутствии четких критериев допустимой дифференциации [6]. Развивая доктрину недискриминации, Н.А. Кретьева-Алешина подчеркивает значение критериев объективного и разумного оправдания различий и требования соразмерности, позволяющих отличать допустимую дифференциацию от дискриминации [7].

Принципиально важно избегать редукции темы к «защите женщин» как единственному содержанию гендерного равенства. Асимметрии

обязанностей и публично-правовых ограничений в отношении мужчин (в сферах службы, обороны, юридической ответственности) реже описываются через категорию дискриминации и обычно трактуются как обусловленные публичными интересами ограничения. Между тем конституционно-правовая оценка должна исходить из того, соответствует ли дифференциация стандарту недискриминации и не превращает ли стереотипную роль в юридически обязательную модель.

Для характеристики исследуемой проблематики важны выводы А.М. Лушникова и М.В. Лушниковой, которые рассматривают гендер как фактор, влияющий на построение правового регулирования. Особенно наглядно это проявляется в социально-трудовой сфере, в которой охранительные гарантии могут одновременно обеспечивать защиту и создавать ограничения [8]. Эту линию развивает А.В. Буянова, показывая, что запреты и ограничения, оформляемые как защитительные, на практике могут поддерживать профессиональную сегрегацию и неравенство возможностей [9]. Наконец, самостоятельное значение имеет гендерная экспертиза законодательства как технология выявления скрытых асимметрий и стереотипов в нормативном материале [10].

Таким образом, в настоящей статье используется определение дискриминации как различия в правовом положении, связанного с охраняемым признаком (пол), ведущего к ухудшению положения лица (группы) через ограничение прав и свобод либо установление несопоставимых обременений. В гендерном контексте ключевой вопрос состоит не в самом наличии различий, а в том, превращаются ли они в устойчивый механизм воспроизводства ролевой асимметрии. В интересах терминологической определенности «пол» нами используется как юридически значимый признак, а «гендер» – для описания социальных ролей и стереотипов, влияющих на содержание норм и правоприменение

2. Историко-правовой контекст

Российская дореволюционная правовая традиция включала юридически санкционированное неравенство по признаку пола, которая проявлялось в семейно-бытовой и имущественной подчиненности женщины, ограничениях ее правосубъектности и более узком доступе к публичной жизни. Советский период после 1917 г. сопровождался радикальной эмансипацией женщин, их включением в сферу занятости и общественной деятельности, а также нормативным уравниванием правового статуса полов в семейно-брачном и трудовом законодательстве.

С середины 1930-х гг. при сохранении декларативного равноправия усилилась норма-

тивная акцентуация материнства и репродуктивной функции женщины, возросло значение дисциплинарных и ограничительных механизмов, а семейная и демографическая политика приобрела директивные черты. Законотворчество того времени демонстрировало колебания между моделью прямого нормативного неравенства и моделью формального равноправия, реализуемого через специальные режимы, способные воспроизводить стереотипное распределение социальных функций.

Сопоставление конституционных формул отражает изменение подходов. Конституции СССР 1936 г. (ст. 122) и 1977 г. (ст. 35) связывали равноправие с обеспечением его через предоставление женщинам равных с мужчинами возможностей. Постсоветная конституционная модель закрепила универсальный стандарт равенства и недопустимости дискриминации и тем самым сместила акцент с адресной эмансипации на общую гарантию равного правового положения. Однако в конце XX – начале XXI вв. данный стандарт в отраслевых нормах нередко сочетается с юридическим оформлением гендерных ролей через дифференциацию гарантий, ограничений и обязанностей.

3. Конституционный стандарт равенства в отраслевых режимах

3.1. Конституционный принцип равенства мужчин и женщин

Конституционный стандарт равенства функционирует в системе взаимосвязанных норм, задающих одновременно универсальную гарантию равного правового положения и социально-семейные ориентиры. Так, Конституция РФ закрепляет равенство прав и свобод независимо от пола и запрет дискриминации (ч. 2 ст. 19), а также равные права и свободы мужчин и женщин и равные возможности для их реализации (ч. 3 ст. 19). Одновременно конституционная модель равенства встроена в идею социального государства и социальной защиты: Конституция РФ гарантирует государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства (ч. 2 ст. 7), социальное обеспечение для воспитания детей (ч. 1 ст. 39), но в ст. 38 прямо выделяет защиту именно материнства и детства. Такая композиция допускает неоднозначное толкование и в правоприменении способна усиливать стереотип о преимущественной роли матери, если при реализации положений Конституции РФ содержание ст. ст. 7 и 38 рассматривается разрозненно, без их взаимосвязи.

Показателен конфликт родительства и несения обусловленных половой дифференциацией конституционных обязанностей. В деле *Konstantin Markin v. Russia* Европейский суд по

правам человека квалифицировал отказ в предоставлении мужчине-военнослужащему отпуска по уходу за ребенком как дискриминацию по признаку пола. Позиции Конституционного Суда РФ по жалобе К.А. Маркина (Определение от 15 января 2009 г. № 187-О-О; Постановление от 6 декабря 2013 г. № 27-П) демонстрируют, что исход дела определяется не общей конституционной декларацией, а пределами допустимости отраслевых исключений и их соразмерностью.

Содержание конституционного принципа равенства раскрывается через отраслевое законодательство и его применение. По этой причине для оценки реализации ст. 19 Конституции РФ имеют значение конкретные правовые механизмы – гарантии, исключения и обязанности, закрепленные в соответствующем отраслевом законодательстве.

3.2. Семейно-правовая сфера

Семейное право закрепляет принцип равенства прав и обязанностей родителей, однако в правоприменении нередко формируется приоритетная роль матери как основного родителя: женщина чаще рассматривается как основной воспитатель, тогда как участие мужчины связывается преимущественно с материальным обеспечением и ограниченным включением в повседневную жизнь ребенка. Источником асимметрии выступают не столько прямые дискриминационные формулы, сколько социальные презумпции и практика доказывания в спорах об определении места жительства ребенка и порядке осуществления родительских прав.

Верховный Суд РФ в последние годы ориентирует суды на недопустимость априорных предпочтений. В Обзоре судебной практики № 1 (2024), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 г., подчеркиваются равенство прав родителей, необходимость учитывать мнение ребенка, достигшего 10 лет, а также недопустимость подхода, при котором проживание с матерью воспринимается как презюмируемое решение. Аналогичный подход прослеживается в конкретных решениях Верховного Суда РФ по делам о месте жительства ребенка, включая определение Судебной коллегии по гражданским делам от 20 июня 2023 г. по делу № 16-КГ23-20-К4, в котором указано, что проживание ребенка с отцом не может отвергаться лишь по мотиву пола родителя при наличии благополучных условий и учете интересов ребенка.

Прямо адресованной супругу конструкцией является ст. 17 Семейного кодекса РФ, которая ограничивает право мужа инициировать расторжение брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка. Запрет традиционно обосновывается охраной новорожденного и снижением социальных рисков для

матери, однако юридически значимо, что ограничение адресовано только мужу, тогда как жена сохраняет право на расторжение брака. Пленум Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 разъяснил, что запрет распространяется и на случаи, когда ребенок родился мертвым или умер до достижения возраста одного года, что демонстрирует максимально широкое применение охранительной логики.

3.3. Трудовые и служебные правоотношения

Отраслевое регулирование воспроизводит различия статуса чаще не «в правах», а в распределении функций и юридических ожиданий. В частности, в трудовой сфере жизнь и здоровье женщины видится объектом повышенной охраны, прежде всего в связи с защитой ее репродуктивной функции. В служебно-правовой сфере мужчина традиционно рассматривается как носитель публичного долга. В правовом регулировании это проявляется в сочетании охранительной дифференциации (дополнительные гарантии и ограничения) и дифференциации обязанностей (дополнительные публично-правовые обязанности и ограничения).

Трудовое законодательство формально исключает дискриминацию в сфере труда, провозглашая запрет дискриминации и недопустимость отказа в приеме на работу по причинам, связанным с полом и беременностью. Вместе с тем наиболее заметная «легализованная» дифференциация связана с ограничением допуска женщин к отдельным видам работ, которая установлена ст. 253 Трудового кодекса и детализирована Перечнем производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин, утвержденным приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 июля 2019 г. № 512н. Обоснование таких ограничений строится на защите репродуктивного здоровья (см. Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 г. № 617-О-О), что, однако, порождает двойственный результат – охранительная цель сочетается со сужением спектра профессиональных траекторий и, как следствие, сужения сферы реализации индивидуального права на труд. Дискуссионность подхода подтверждается квазисудебной практикой: Комитет CEDAW в деле *Medvedeva v. Russian Federation* (сообщение № 60/2013) оценил отказ в трудоустройстве, обусловленный Перечнем, как прямую дискриминацию и указал на необходимость пересмотра подобных ограничений. На практике же количество запрещенных профессий сократилось с 456 в 2000 г. до 100 в 2021 г., но от ограничительных мер государство полностью не отказалось.

При этом аргументация, обосновывающая такие ограничения целями охраны здоровья, представляется дискуссионной. Во-первых, даже

полная отмена запретов сама по себе не ведет к увеличению представительства женщин в соответствующих видах занятости. Вполне вероятно, что значительная часть женщин не будет рассматривать отдельные профессии как предпочтительное направление карьеры, поскольку многие из них относятся к тяжелым физическим работам. Во-вторых, отсутствие сопоставимых по логике и масштабу мер, направленных на охрану репродуктивного здоровья мужчин (будь то ограничения либо дополнительные медицинские гарантии), может сформировать представление о его меньшей значимости для государства. Такая асимметрия плохо согласуется с конституционным стандартом равенства прав и свобод независимо от пола, да и в нравственном отношении не может быть признана оправданной.

Важно учитывать и «побочный эффект» других охранительных норм, обусловленных мотивами государственной «заботы». В частности, для работодателя найм работницы детородного возраста нередко связывает с рисками особого режима занятости, отпусков по беременности и родам, уходу за ребенком, судебных споров, что создает предпосылки для необоснованных отказов в трудоустройстве при формальном указании иных оснований. Нормы трудового законодательства, разумеется, не легитимируют подобные злоупотребления, однако меры, направленные на повышенную защиту трудовых прав женщин, при определенных условиях правоприменения могут порождать опосредованную дискриминацию.

В служебных правоотношениях асимметрия особенно заметна через различие обязанностей. Российская модель воинской обязанности закрепляет призыв для граждан мужского пола в установленном возрасте, тогда как для женщин военная служба носит, как правило, добровольный (контрактный) характер. Конфликт реализации родительских прав и специальных служебных режимов проявляется в установлении ограничений, также обусловленных типичными представлениями о распределении социальных ролей в семье. Как и в рассмотренном ранее примере военнослужащих, в правовом положении сотрудников органов внутренних дел это выражается, в частности, в особом, более сложном порядке предоставления отпуска по уходу за ребенком отцу-сотруднику. Верховный Суд РФ в определении Судебной коллегии по гражданским делам от 27 декабря 2013 г. № 20-КГ13-34 подтвердил возможность ограничения этого права, если мать способна осуществлять уход за новорожденным.

Наконец, дифференциация по признаку пола проявляется и в социально-обеспечительном регулировании. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (ч. 1 ст. 8) закрепляет общеустановленный воз-

раст назначения страховой пенсии по старости как 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин (с учетом переходных положений). Традиционные обоснования (совокупная семейная нагрузка, перерывы в трудовой биографии) подвергаются обоснованной критике. Так, Н.А. Карпунина показывает, что аргументация дифференциации нередко носит обобщенный характер и может закреплять патерналистскую презумпцию женской уязвимости [11].

3.4. Проблемы соблюдения равноправия мужчин и женщин при несении уголовной ответственности

Асимметрия в уголовно-правовой сфере, обусловленная признаком пола, в литературе обсуждается заметно реже (в отличие от трудовой или семейной), однако именно здесь прослеживается сочетание двух подходов в правовом регулировании: повышенная защита женщин как потенциально уязвимой категории и более строгий подход в случае привлечения мужчин к уголовной ответственности.

Безусловно, часть различий обусловлена объективной биологической спецификой и выражена в конструкциях составов со специальным субъектом (например, ст.ст. 106, 123, 131 Уголовного кодекса РФ). Ключевая же асимметрия возникает при определении наказания. Уголовный кодекс РФ устанавливает пределы применения отдельных наказаний в зависимости от пола. В частности, женщинам не назначается смертная казнь (ст. 59 Уголовного кодекса РФ); хотя данное наказание не применяется уже достаточно длительное время, важна сама позиция законодателя по данному вопросу. Но более распространенное пожизненное лишение свободы к женщинам также не применяется (ст. 57 Уголовного кодекса РФ). Судебная практика назначения наказаний свидетельствует, что за сходные деяния нередко применяются меры уголовно-правового воздействия различной строгости.

Данный подход проявляется в применении смягчающих обстоятельств, которые чаще всего формулируются гендерно нейтрально (например, через критерии родительства и интересов ребенка), однако на практике нередко дают асимметричный эффект. Так, отсрочка отбывания наказания охватывает как беременных женщин и женщин с ребенком до 14 лет, так и мужчин – но лишь в случае, если он является единственным родителем. При этом фактическое осуществление ухода за ребенком и сложности доказывания статуса единственного родителя на практике приводят к преимущественной адресности нормы женщинам.

Научная трактовка феномена насилия в ряде исследований, использующих гендерный подход (как правило, феминистской и профемин-

нистской направленности), подчеркивается фундаментальная связь насилия с патриархальными отношениями и маскулинностью, что якобы должно обосновывать более жесткие наказания для мужчин [12]. Одновременно в ряде публикаций представлены достаточно аргументированные критические позиции, которые указывают на существенное расхождение между частью теоретических построений и данными эмпирических исследований, а также на методологические риски сведения насилия к «природной предрасположенности» мужчин к преступному поведению [13]. Принципиально важно подчеркнуть, что даже при различной интерпретации причин насилия уголовный закон должен исходить из вины и опасности конкретного деяния, а не из усредненных характеристик социально-половой группы из методологически спорных публикаций.

Выводы

1. Конституционный запрет дискриминации по признаку пола реализуется преимущественно как формальное равноправие, но не как равенство юридического статуса. На отраслевом уровне сохраняется несоразмерное распределение ограничений и обременений, вследствие чего не достигается равная мера обязанностей и ответственности.
2. Отраслевое законодательство и правоприменение формируют ролевой режим равноправия мужчин и женщин. В семейной сфере сохраняется устойчивая презумпция преимущественной роли матери в повседневном воспитании ребенка, что нередко затрудняет полноценную реализацию правомочий отца. В трудовой сфере охранительные меры и репродуктивная логика защиты женщины способны трансформироваться в фактические ограничения доступа к отдельным видам труда и стимулировать недобросовестные решения работодателя. В служебной сфере закрепляется стандарт мужского публичного должностования (включая воинскую обязанность) и конкуренция службы с родительскими правами. В пенсионном обеспечении различие возраста назначения пенсии выступает как мера дифференциации, обосновываемая задачами социальной защиты, и одновременно приводит к неодинаковой продолжительности трудовой активности мужчин и женщин. Наличие отдельных уголовно-правовых исключений и ограничений в отношении женщин фактически означает, что при совершении сопоставимых преступлений мужчины могут подвергаться более строгим наказаниям.

3. Переход от формального равноправия к равенству юридического статуса мужчин и женщин требует пересмотра специальных правовых режимов. Целесообразен переход от дифференцированных по признаку пола исключений к нейтральным критериям уязвимости и строгой проверке соразмерности дифференциаций, которые можно отразить в формуле «легитимная цель – необходимость – соразмерность». Реализация данного подхода предполагает развитие гендерной экспертизы проектов нормативных актов и оценку фактических последствий применения норм, закрепляющих различия по признаку пола, а также формирование судебной практики, исключающей стереотипные презумпции и обеспечивающей реальное равенство вне зависимости от пола.

Список литературы:

- [1] Гидденс Э. Социология: учебник. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
- [2] Акимова Ю.А. Конституционная концепция гендерного равноправия // Государственная служба и кадры. 2018. № 2. С. 22–32. DOI: 10.24411/2312-0444-2018-10002.
- [3] Ташбекова Д.И., Долгих Е.А. Разработка методики интегральной оценки гендерного неравенства в регионах Российской Федерации: монография. М.: Русайнс, 2023. 116 с.
- [4] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 704 с.
- [5] Нерсисянц В.С. Философия права: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 848 с.
- [6] Подоплелова О.Г. Ловушка особого отношения: гендерные стереотипы в конституционном праве России // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 3. С. 73–91. DOI: 10.21128/1812-7126-2018-3-73-91.
- [7] Кретьева-Алешина Н.А. Конституционный принцип недискриминации в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Саратов, 2012. 22 с.
- [8] Лушников А.М., Лушникова М.В., Тарусина Н.Н. Гендер в законе: монография. М.: Проспект, 2015. 480 с.
- [9] Буянова А.В. Гендерное неравенство в сфере труда // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 68–70.
- [10] Гендерная экспертиза российского законодательства / Отв. ред. и рук. авт. колл. Л.Н. Завадская. М.: БЕК, 2001. 272 с.
- [11] Карпунина Н.А. Дифференциация пенсионного возраста по признаку пола: некоторые аспекты // Аграрное и земельное право. 2017. № 4. С. 150–152.
- [12] Houston C. How Feminist Theory Became (Criminal) Law: Tracing the Path to Mandatory Criminal Intervention in Domestic Violence Cases // Michigan Journal of Gender & Law. 2014. Vol. 21. No. 2. P. 217–272. DOI: 10.36641/mjgl.21.2.how.
- [13] Dutton D.G., Nicholls T.L. The Gender Paradigm in Domestic Violence Research and Theory: Part 1 – The Conflict of Theory and Data // Aggression and Violent Behavior. 2005. Vol. 10. No. 6. P. 680–714. DOI: 10.1016/j.avb.2005.02.001.

References:

- [1] Giddens E. Sociology: textbook. M.: URSS Editorial, 2005. 632 p.
- [2] Yu.A. Akimova. Constitutional Concept of Gender Equality//Civil Service and Personnel. 2018. № 2. S. 22-32. DOI: 10.24411/2312-0444-2018-10002.
- [3] D.I. Tashbekova, E.A. Dolgikh. Development of a methodology for integral assessment of gender inequality in the regions of the Russian Federation: monograph. M.: Rusines, 2023. 116 pp.
- [4] Baglay M.V. Constitutional law of the Russian Federation: textbook. M.: Norm: INFRA-M, 2025. 704 p.
- [5] Nersesyan V.S. Philosophy of law: textbook. M.: Norm: INFRA-M, 2020. 848 pp.
- [6] Podoplelova O.G. Special attitude trap: gender stereotypes in the constitutional law of Russia//Comparative constitutional review. 2018. № 3. S. 73-91. DOI: 10.21128/1812-7126-2018-3-73-91.
- [7] Kretova-Aleshina N.A. The constitutional principle of non-discrimination in the Russian Federation: ref. dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.02. Saratov, 2012. 22 pp.
- [8] Lushnikov A.M., Lushnikova M.V., Tarusina N.N. Gender in law: monograph. M.: Prospect, 2015. 480 s.
- [9] A.V. Buyanova. Gender inequality in the field of labor//Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. № 5. S. 68-70.
- [10] Gender expertise of Russian legislation/ Rev. ed. and hands. auto call L.N. Zavadskaya. M.: BECK, 2001. 272 pp.
- [11] Karpunina N.A. Differentiation of retirement age on the basis of gender: some aspects//Agrarian and land law. 2017. № 4. S. 150-152.
- [12] Houston C. How Feminist Theory Became (Criminal) Law: Tracing the Path to Mandatory Criminal Intervention in Domestic Violence Cases // Michigan Journal of Gender & Law. 2014. Vol. 21. No. 2. P. 217–272. DOI: 10.36641/mjgl.21.2.how.
- [13] Dutton D.G., Nicholls T.L. The Gender Paradigm in Domestic Violence Research and Theory: Part 1 – The Conflict of Theory and Data // Aggression and Violent Behavior. 2005. Vol. 10. No. 6. P. 680–714. DOI: 10.1016/j.avb.2005.02.001.